
Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-40-46

**ПАРНЫЙ КОНЦЕПТ «КІАХЭ – ЩХЪАГЪ(Э)»:
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ ЧЕРКЕСИИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX в.**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Аннотация. Начиная с эпохи Нового времени Черкесия нередко попадала в поле зрения различных исследователей. Однако многие аспекты черкесской культуры долго не получали должного отражения в их штудиях. В частности, аутентичные представления о хоронимических реалиях в Черкесии и к началу XIX в. оставались непроясненными. Процесс восполнения лакун последовал в течение второй трети этого столетия, когда, с одной стороны, началась активная исследовательская деятельность выдающихся черкесских гуманитариев Ногма Шоры и Султана Хан-Гирея. А с другой, ряд европейских авторов получил возможность длительного погружения в черкесскую культуру, что позволило им преодолеть барьеры «внешнего наблюдателя». Настоящий текст сосредоточен на анализе отражения в этих работах базового этнокультурного членения Черкесии посредством парного концепта «КІахэ – Щхъагъ(э)».

Ключевые слова: Черкесия, КІахэ, Щхъагъ(э), макрорегионы, хоронимы, этнографические исследования, территориальное членение

Для цитирования: Алоев Т.Х. Парный концепт «КІахэ – Щхъагъ(э)»: архетипические регионы Черкесии в этнографическом дискурсе второй трети XIX в. // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 40–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-40-46

Original article

**PAIRED CONCEPT “KIAHƏ – SHKHAG(E)”:
ARCHETYPICAL REGIONS OF CIRCASSIA IN ETHNOGRAPHIC DISCOURSE
OF THE SECOND THIRD OF THE 19TH CENTURY**

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Abstract. Annotation: Since the early modern period, Circassia has often attracted the attention of various researchers. However, many aspects of Circassian culture remained inadequately reflected in their studies for a long time. In particular, authentic representations of the toponymic realities in Circassia remained unclear until the beginning of the 19th century. The process of filling these gaps took place during the second third of this century when, on

one hand, prominent Circassian humanitarians Nogma Shory and Sultan Khan-Girey began active research activities. On the other hand, several European authors were granted the opportunity for prolonged immersion in Circassian culture, allowing them to overcome the barriers of “external observation.” The present text focuses on the analysis of how this basic ethnocultural division of Circassia is reflected in these works through the paired concept of “K’iahe – Sh’hag(e).”

Keywords: Circassia, KІakhe, Shchhag(e), macroregions, horonyms, ethnographic research, territorial division

For citation: Alov T.Kh. Paired concept "KІahə – Shkhag(e)": archetypal regions of Circassia in the ethnographic discourse of the second third of the 19th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 40–46. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-40-46

Пожалуй, представление о том, что, по меньшей мере, с периода Средневековья Черкесия предстает как страна, состоящая из макропровинций, пребывающих в диадических отношениях не противоречит исторической действительности. Двуединность страны явственно выражается в парном концепте (или, в зависимости от оптики, «парных понятиях») КІахэ-Шхъагъ(э). Подобное положение напоминает соотношение Хайленда и Лоуленда в Шотландии, Нижней и Верхней Австрии на берегах среднего Дуная. Определенные параллели просматриваются и в комплексе Валахия/Молдова как *untereren Donarum* в низовьях великой реки. Сходное членение этнокультурного пространства относимо к культурным универсалиям и, к примеру, отражает реалии во Вьетнаме: оппозиция горы – дельта. В этом отношении примечательна и социальная география чувашей, которая покоится на четком делении по течению Волги на верховых (вирьял) и низовых (анатри). Заметная аналогия проступает и в случае с Нидерландами (Нижними землями) и Верхней Германией (по Рейну) в римский период. Но наибольшее сходство черкесские реалии обнаруживают, пожалуй, с ситуацией в Литве: Жемайтия (*Zemaitė*) – «Нижняя земля» и Аукштайтия (*Aukštaitija*) – «Верхняя земля».

Подобное положение вещей явственно эксплицируется в черкесском языковом пространстве. «Ушэсыщтмэ шхъагъым, ушъузыщтмэ кІэхэпхъу» («Если садиться верхом, то на шаг(ского), если (брать) в жены, то кяхскую дочь») отмечается в одной пословице [Адыгабзэм изэхэф... 2012: 104]. «Ушыущтмэ – шхъагъыш, уунэщтмэ – кІэхэпхъу» – «Хочешь стать хорошим всадником – приобретай кабардинскую (шагскую) лошадь, хочешь иметь хорошую семью – возьми в жены кяхскую девушку» говорится в другой версии этой идиомы [Аутлев 1975: 251]. Как бы доводя до экстремума кяхско-шагский дуализм, в одном из фольклорных текстов произносится: «КІахэм япщэу Джанболэт, КІахэм екІышь Шхъагъым макІо... – кяхский князь Джанболет из Кяхэ отправился в Шхаг...» [Шхъэлахъо Абу 1994: 81].

В работах классиков черкесской культуры подобные реалии, естественным образом, не были обойдены вниманием. Ногма Шора, к примеру, актуальность номинации *КІахэ* относит уже ко времени войны народа *адыгэ* с хазарами [Ногмов 1958: 109]. Показательно и его напоминание о том, что когда-то «...татарский хан с многочисленным войском вступил в западную часть Кавказа и объявил войну кахам...» [Ногмов 1958: 117]. Представляют интерес и его наблюдения по поводу региональных особенностей поселенческой культуры Черкесии. «Из множества племен адыгов, живущих за Кубанью, кягхе, или нынешние шапсуги, обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля и представляли удобства для звериной ловли. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот... Убежища эти служили им оградой от беспрестанно ожидаемого врага. Они брали еще другие предосторожности: делали в жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения иметь возможность скорее спастись бегством...», – отмечается в пространном рассуждении в

компаративистском ключе [Ногмов 1958: 83]. «Кабардинцы же строились преимущественно на равнинах и только частью в ущельях. Селения обрывали канавой и делали кругом завалы, подобные нынешним полевым укреплениям. Издревле имели привычку располагать дома четверугольником, так что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота. Кунакские дома для гостей находились в недалеком от жилья расстоянии», – писал автор, развивая свой сравнительный пассаж [Ногмов 1958: 84].

В другом месте, разворачивая сюжет, значимый для обеих частей Черкесии Ногма указывает на событие XVI в., в котором «Князь Идар, находившийся тогда у деда своего Хамишева в земле кахов, сведав о распрях, возникших между его братьями, вознегодовал на них. Через два года позже он посылал к ним несколько раз, увещевая прекратить ссоры, и требовал от них примирения и дружбы на будущее время» [Ногмов 1958: 122]. Симптоматично, что издатель ногмовского труда – Адольф Берже, счел необходимым в схолии указать на то, что Ногма Шора «впадает здесь в явное противоречие. Выше сказано, что дед Идара Эльжеруко Хамишев был князь бжедухов, а здесь он назван князем кахов». О мнимости обнаруженного противоречия можно судить по концовке пассажа, к которому комментатор оказался невнимателен. Она гласит: «Но видя, что они пренебрегают его советами и посредничеством, Идар собрал из кахов или чапсогов, хегаков, бжедухов, махосев и прочих закубанских племен, многочисленное войско и пошел в Кабарду с намерением усмирить враждующих князей...» [Ногмов 1958: 122]. Последовавшее уточнение позволяет предположить, что отождествляя шапсугов с кяхами в первом отрывке Ногма не подразумевал, что последние ограничиваются лишь частью сообщества агучипсов. Видимо, автор, учитывая географию и демографический потенциал тогдашней Шапсугии, обозначил ее в качестве культурного воплощения кяхского при сравнении с шхагским, которое представлено «кабардинцами» в широком смысле, в то время как узкое понимание предполагает, что номинации «бесленевцы», «талостаневцы» и «джиляхстаневцы» уже давно таксономически занимали один ранг с последним.

Подобные наблюдения Ногма (несмотря на некоторые недостатки) обнаруживают в нем непревзойденного знатока этнокультурных реалий Черкесии. Однако в отношении рассматриваемого предмета, наследие его современника Хан-Гирея демонстрирует более полную по объему и многогранности фактуру. Если в ногмовском повествовании, в силу его диахроничной оптики специфика территориального структурирования черкесского этнокультурного пространства затрагивается спонтанно в контексте и рамках описания тех или иных исторических сюжетов (и только в той мере, в которой культурно-географический сеттинг эксплицирует их развитие), то для Хан-Гирея эта проблематика имеет самостоятельную значимость. В силу этого в его текстах построена более центрированная перспектива, обращенная на нее. В независимости от характера произведения (художественное, или же исследовательское) им последовательно артикулируется актуальность бинарной оппозиции между «нижней» и «верхней» частями Хэку в увязке с культурными особенностями каждой из них [Хан-Гирей 2008: 272]. К примеру, коснувшись представлений о путях распространения ислама в стране и отметив, что жаневцы «первые из низовых* племен черкесских приняли магометанское исповедание...» в примечании дается пояснение, согласно которому «Большую часть черкесских племен разумеют под именем тчах (низовых)» [Хан-Гирей 1974: 56]. Продолжая «исламскую линию» рассуждений и описывая влияние этой религии на современную ему Черкесию он не преминул отметить, что «... в низовых племенах (тчах) из ста дел едва ли и пять решались духовным судом» [Хан-Гирей 1974: 307]. Фиксируя такую картину, автор, возможно, подразумевал или свое незнание подобных обстоятельств в шхагской части страны или же, что они там разительно отличались от кяхских обыкновений.

Относительно последних, Хан-Гирей и впрямь проявлял замечательную осведомленность. Так, им указывалось, что «...для настоящего поколения низовых черкесов (тчах), Бзийкское поражение составляет эпоху» [Хан-Гирей 1974: 237]. И действительно, сложно не согласиться с тем, что в историческом сознании шхагского населения – это событие если и имело какой-то отзвук, то несопоставимый с тем как оно запечатлелось в коллективной памяти вовлеченных в кровопролитную военно-политическую коллизию бжедугов и шапсугов. Фиксируемые Хан-Гиреем культурные различия в черкесских макрорегионах этими наблюдениями не ограничились. «У низовых черкесских племен начинают каждый раз пение при раненом так называемой песней кракец...» – пишет он об одной особенности в проведении обряда *кIапц* на западе Черкесии [Хан-Гирей 1974: 127].

Региональные особенности отмечаются им и в танцевальной культуре. Это обстоятельство проступает при упоминании «...известной у низовых черкесов плясовой песни купс...» [Хан-Гирей 1974: 128].

Культурно-исторический дуализм страны воплощался и в наличии соответствующих диалектных провинций *адыгэбзэ* мимо чего Хан-Гирей, разумеется, не прошел. «Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы... Второе есть общее у всех прочих племен, составляющих черкесский народ, и называется наречием **низовым**, т.е. которым говорят низовые черкесы (выделено автором. – Т.А.)», – писал автор [Хан-Гирей 2008: 131]. О географических параметрах изоглоссы в черкесском диалектном континууме, совпадавшей с границами шхагских и кяхских политий позволяют судить источники. В «Песне скорби Гашогаг» отмечается: «По-над Лабюю брожу, гляжу я, // Жду весточки с Кяха, // Слуха с низовья дожидаюсь... // С низовья, С Кяха песня скорби звучит» [Кабардинский... 2000: 385]. Артикулируя исторические предания о путях формирования диспозиции черкесских княжеств кубанского левобережья, Каменев отмечал, что «...Хатук (родоначальник княжества Хатукай. – Т.А.) [расположился] – от Афипса до Псекупса, а Болоток (устроитель кемиргоевского владения. – Т.А.) – от Псекупса до Ходза (левого притока Лабы. – Т.А.), не приближаясь к горам» [Каменев 2019: 103.]. Не случайно, поэтому потомок последнего – знаменитый Джамбулат, на востоке ограничивал территорию своих легитимных притязаний обозначенной географией. Его позиция гласила: «...и владения моих предков простирались по Кубани, от реки Лабы до Черного моря... Все должны это знать» [Щербина 1916: 86]. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что бассейн левобережной Лабы внутри черкесского языкового пространства образовывал изоглоссу, к примеру, наподобие, линии Бенрата, составляющей языковую границу между верхне- и нижненемецкими диалектами.

Наряду с упомянутыми примерами, значимым маркером шхагско-кахского дуализма предстает культура питья в Черкесии. «Относительно употребления пьяных напитков черкесов должно разделить на две части», – сообщал Хан-Гирей и, далее, разъяснял свой тезис, – а именно: на верхних, как-то: кабардинцев, бейс-ленейцев и маххошцев¹, некоторым образом к ним принадлежащих, и на низовых черкес, т.е. всех остальных племен».

О том, как эти различия проявлялись, автор весьма увлеченно распространялся в следующих словах: «Первые, можно сказать, всю зиму проводят в пьянстве: зажиточные хозяева наперерыв зовут к себе князей и старшин **пить и веселиться** (выделено автором. – Т.А.) или к ним привозят крепкую мармезию. И тут по целым ночам пьют и забавляются: стрельба вторит исступленным их крикам, и дым пороха столбом носится над их восторженными головами и под сводом гостиниц или на открытом воздухе.

Так живали кабардинцы, когда были в совокупности, и другие им подражали; да и теперь тоже делают, сколько это позволяет спокойствие и достаток. Бывало, сказывают, во время народных сборищ всякую ночь князя и старшины проводили

в полном веселии и нередко тут дела решали или, по крайней мере, толковали об них в самом приятном расположении духа. Впрочем, и ныне старцы, вспоминая прошедшие дни беззаботной юности, составив особенные круги, напиваются нередко допьяна, да и молодые люди иногда не отстают от них в этих подвигах. Напротив того, низовые черкесы никаких напитков до неумеренности не употребляют, да и самые напитки, у них приготовляемые не так бражны» [Хан-Гирей 2008: 272, 273].

Хотя Хан-Гирей, без ложной скромности, и заявлял «о совершенном знании им Черкесии» все же осознавал, что его компетентность имела ограничения, поэтому следующую его оговорку следует признать подтверждением трезвой оценки своих познаний. «Должно заметить, как слова черкесские, здесь помещенные, так и описываемые мною обряды преимущественно употребительны между низовыми (тхач / тчах) черкесами» [Хан-Гирей 1974: 128]. На фоне внимания, уделенного им рассматриваемому предмету, вполне объяснима и авторская гипотеза о происхождении столь часто упоминаемой им номинации. «Надобно думать, что жанинцы с хеххадцами и вепснцами (которые, будучи слабее их, во всем согласовались с ними) составляли именно те колена черкесские, которые древними писателями названы чихами от слова дчах, под коим, как выше сказано, черкесы разумели в древние времена, как и ныне, низовых жителей» [Хан-Гирей 2008: 232]. Заметим, что и автор «Преданий черкесского народа» не оставался равнодушным к вопросу о связях аутентичной номинации *klax* с фигурантами древней этнической номенклатуры Западного Кавказа. «Косоги – это кеггахи, или чапсоги, названные сим испорченным именем иноплеменным народом... Могло быть, что имя русских исчезло в памяти народной и было заменено именем татар, которые заняли на западе то место, от которого приходили русские к косогам или кахам», – предполагал Ногма [Ногмов 1958: 118].

Переходя от «интерсубъективного» фокуса изнутри черкесского контекста к перспективе внешнего наблюдателя уместно обратиться к иностранным современникам вышеупомянутых авторов. Проживавший в черкесской среде несколько лет Леонтий Люлье писал, «...что кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют... всех же закубанцев, исключая бесленеевцев, – *кияхь*, то есть *низовые жители*...» [Кавказ... 2014: 63]. Невнимательное прочтение этих строк в последующем привело к искаженному представлению будто только кабардинцы употребляли термин *кияхь* в отношении «низовых жителей», в то время как из приведенной цитаты явствует, что это имя было и самоназванием закубанских черкесов за исключением бесленеевцев [Люлье 2004: 54].

Опыта «включенного наблюдения» другого автора также оказалось достаточно для артикуляции одного из элементов рассматриваемой бинарной системы. Карл Сталь следующим образом передавал циркулировавший в 40-х гг. XIX в. нарратив о складывании актуальной на тот момент констелляции политических и локально-исторических групп Черкесии. «После кабардинцев и бесленеевцев, по преданиям, выселились с побережья Черного моря темиргоевцы и гатукаевцы и, потеснив бесленеевцев, поселились в горах, где живут ныне абадзехи. После темиргоевцев перевалились через хребет и заняли подгорье по Нижней Кубани шапсуги, бжедухи и натхокуадж, после них махашевцы. Сии последние, потеснив темиргоевцев на плоскость (ках – нижняя земля), поселились на реке Белой, в Майкопском ущелье» [Кавказ... 2014: 335].

Полтора десятилетия спустя писавший по еще свежим следам уничтоженной страны Каменев был также чуток к рассматриваемому здесь предмету. Кяхско-шагская семантическая дихотомия в его повествовании проступает более чем явственно.

Не вдаваясь в чрезмерное для настоящего текста подробное изложение сюжетов, в контексте которых автор эксплицирует модальность кяхско-шагского взаимодействия, приведем лишь отрывки повествования, где этот феномен

представлен очевидным образом. «Будущие натухайцы и шапсуги, носившие иногда название «кяхга» – низовых жителей, не в силах были сопротивляться нападению кабардинцев» [Кармов 2019: 119].

«Покорение народа кягха сделало кабардинцев владельцами Хекужжа до ущелий, занятых убыхами, и первенствующим племенем в числе кавказских аборигенов» [Кармов 2019: 120].

«Произошло кровопролитное сражение, в котором приняли участие совместно с кабардинцами и подвластные им низовые жители» [Кармов 2019: 121]. Также имеется упоминание о том, что «... некоторые честолюбцы отправились искать счастья и власти к низовым жителям, среди которых положили начало дворянскому сословию» [Кармов 2019: 122].

«...Херзег из фамилии Анзорова, бросил кабардинцев, из реки Белой пробрался к низовым жителям... С водворением Абата у низовых жителей они начали именоваться нетхакуадже и шапсуг», – отмечает автор [Кармов 2019: 123].

Рассмотрев присутствие шхагско-кяхского бинарного кода в этнографических работах по черкесской культуре рассматриваемого периода нельзя не заметить, что, в преобладающей степени, на противоположном от компоненты *КIахэ* семантическом полюсе находится не изоморфная ей номинация *Щхьагъ(э)*, а имя собственное *Кабарда* / *кабардинский*. Объясняется это исторически сложившейся традицией словоупотребления упомянутых лексических единиц. С одной стороны, сложившаяся, по меньшей мере уже к исходу XIV в. в качестве самостоятельной политической единицы Кабарда на протяжении последующих веков (несмотря на последовательное отпадение Бесленеевского, Джилахстанеевского и, наконец, Талостанеевского княжеств) оставался доминирующим политическим игроком в щхьаг`ской части страны. Непрерывная многовековая интегральная роль Кабарды в политическом пространстве Щхьаг`а привела к преобладанию названия политики над номинацией, отражавшей географические и социокультурные реалии. Напротив, в кяхской части страны многополярность центров силы всегда составляла неизменную черту политического баланса в этом макрорегионе Черкесии. Вследствие этого *КIахэ* оставался неотменимым семантическим узлом в черкесском языковом пространстве.

Содержание этнографических штудий рассмотренного периода в целом и отразили подобное положение вещей.

Резюмируя, можно постулировать: в рамках исследовательских инициатив, предпринятых как черкесскими учеными, так и сторонними (но весьма заинтересованными) наблюдателями, зафиксированы аутентичные представления о базовом членении черкесского этнокультурного пространства парным концептом «КIахэ-Щхьагъ(э)», сложившимся на протяжении предыдущих веков. Показательно, что несмотря на разность исследовательских приоритетов и инструментария (диахрония / синхрония, интерес к языковым явлениям / прикладной интерес к актуальной политической конфигурации) привлеченные к анализу изыскания полуторастолетней давности единодушно валидируют индигенные концепты, отражающие диадические отношения между черкесскими макрорайонами.

Список источников и литературы

Адыгабзэм изэхаф... 2012 – *Адыгабзэм изэхаф гуыцIалъ* (Толковый словарь адыгейского языка) / Бырсыр Б.М. (ред.), Гыш Н.Т., Зеклогъу У.С., Мэрэтыкъо Къ.Хъ., Тутурыщ М.К., Тхьаркъохъо Ю.А. Тэу (Хьабэхъумэ) Н.А. Т. II. Майкоп: ГБУ АРИГИ им. Т. Керашева. ОАО Полиграф Юг, 2012. Н. 1042.

Аутлев 1975 – *Аутлев П.У.* Из адыгской этнонимии // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 236–263.

- Кабардинский фольклор... 2000 – *Кабардинский фольклор*. Общая редакция Г.И. Бройдо. Издание второе дополненное. Нальчик, 2000. 649 с.
- Кармов 2019 – *Кармов Р. Блики. Альтернативные изыскания по абазо-адыгской истории*. Вып. 8. СПб., 2019. 288 с.
- Кавказ... 2014 – *Кавказ*: Черкесия. Нальчик, 2014. Вып. 17. 440 с.
- Люлье 2004 – Люлье Л.Я. Черкесия (Историко-этнографические статьи) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 41–86.
- МыкӀосэ жъуагъуэхэр... 1994 – *МыкӀосэрэ жъуагъохэр*. Мыекъуапэ: Меоты, 1994. Н. 336. (Немеркнувшие звезды. Историко-героические песни, песни-плачи, пщинатли и рассказы. Майкоп: Меоты, 1994. 336 с. На адыг. яз.)
- Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа*. Нальчик, 1958. 239 с.
- Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Нальчик, 1974. 333 с.
- Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. 363 с.
- Щербина 1916 – *Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогоаев*. Екатеринодар. 1916. 396 с.

References

- Tolkovyy slovar' adygejskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Adyghe Language] / Byrsyr B.M. (red.), Gыyshch N.T., Zeklogъu U.S., Meretykъo Kъ.Hъ., Tuturyshch M.K., Th'arkъohъo YU.A. Teu (H'abekhъume) N.A. T. II. Majkop: GBU ARIGI im. T. Kerasheva. OAO Poligraf YUg, 2012. P. 1042. (In Adyghe)
- AUTLEV P.U. *Iz adygskej etnonimii* [From Adyg Ethnonymy]. IN: Sbornik statej po etnografii Adygei [Collection of Articles on the Ethnography of Adyghea]. Maykop, 1975. Pp. 236–263. (In Russian)
- Kabardinskij fol'klor* [Kabardian Folklore]. Obshchaya redakciya G.I. Brojdo. Izdanie vtoroe dopolnennoe. Nal'chik, 2000. 649 p. (In Russian)
- KARMOV R. *Bliki. Al'ternativnye izyskaniya po abazo-adygskej istorii* [Glare. Alternative studies on Abazo-Adyghe history]. Vyp. 8. SPb., 2019. 288 p.
- Kavkaz: Cherkesiya* [Caucasus: Circassia]. Nal'chik, 2014. Vyp. 17. 440 p. (In Russian)
- LYUL'E L.YA. *Cherkesiya (Istoriko-etnograficheskie stat'i)* [Circassia (Historical and Ethnographic Articles)]. IN: *Landschaft, etnograficheskie i istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Landscape, ethnographic and historical processes in the North Caucasus in the 20th – early 20th centuries]. Nal'chik, 2004. pp.41 – 86. (In Russian)
- Myklosere zhuagohe (Nemerknushchie zvezdy. Istoriko-geroicheskie pesni, pesniplachi, pshchinatli i rasskazy)* [Unfading stars. Historical and heroic songs, lamentation songs, pshchinatli and stories]. Majkop: Meoty, 1994. 336 p. (in Adyghe)
- NOGMOV Sh.B. *Istoriya adygejskogo naroda* [History of the Adyg People]. Nalchik, 1958. 239 p. (In Russian)
- KHAN-GIREY. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Nalchik, 1974. 333 p. (In Russian)
- KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Nalchik, 2008. 363 p. (In Russian)
- SHCHERBINA F.A. *Istoriya Armavira i cherkesogaev* [History of Armavir and the Circassians]. Ekaterinodar. 1916. 396 p. (In Russian).

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 30.06.2025.